УДК 81

О ПОНЯТИИ «КУЛЬТУРНАЯ РАЗРАБОТАННОСТЬ» В ПРИМЕНЕНИИ К КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЕ

© **Федоров Михаил Александрович**
кандидат философских наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: fma1105@gmail.com

В статье рассматривается два альтернативных способа концептуализации — понятийный и образный. Первый реализуется при помощи выделения новых признаков в уже познанных объектах, второй — через осмысление одних феноменов через призму других. Культурный релятивизм языка выражается в обоих способах концептуализации. Культурная специфика лексикализации явлений внешнего мира, раскрытая А. Вежбицкой, экстраполируется на концептуальную метафору в двух отношениях. Во-первых, культурная значимость концепта может выражаться количеством метафор, используемых для его структуризации. Во-вторых, культурная разработанность метафоры может быть оценена при помощи количества маркеров концептуальной метафоры, актуализирующих феномены области источника в отношении феноменов области цели.
Ключевые слова: концептуальная метафора; культурная разработанность; метафорическая разработанность; культурный релятивизм; концепт; эволюция метафоры; маркер метафоры.

Исследование структуры концепта позволяет выделить два различающихся, но не являющихся при этом взаимозаменяемыми способа концептуализации — понятийный и образный, которые соотносятся с двумя составляющими концепта [2, 106]. Понятийная составляющая, описываемая исследователями через обращение к разным типам словарей, представлена в языке через определенное номинативное поле, состоящее из слов и словосочетаний, представляющие когнитивные признаки концепта. Тем самым, данный способ концептуализации, который можно назвать понятийным, идет по пути увеличения количества выделяемых аспектов через рост номинативного поля, что находится в прямой зависимости от культурозначимости познаваемого феномена.

Образная составляющая концепта, в некотором смысле, противостоит понятийной составляющей. Здесь познание объекта происходит не через оязыковление всех его уникальных характеристик, а через уподобление уже познанным объектам при помощи концептуальных метафор. Так, например, промежутки между периодами времени осмысляются в терминах пространственных категорий («от времени до времени», «около первого часа» и т. д.), а изменение суммы обстоятельств, влияющее на достижение определенных целей, — в терминах движения времени («время пришло», «час пролетел»).

Мы вслед Дж. Лакоффым и М. Джонсоном определяем метафору как осмысление одного концепта в терминах другого [12, 6], где выделяются область цели и область источника. Область цели объединяет осмысляемые феномены, включающие концепт и его признаки, представленные в языке единицами, объединенными синонимическими или гиперо-гипоническими отношениями. Область

источника объединяет феномены, закрепленные и достаточно структурированные в сознании, используемые для осмысления менее структурированных феноменов.

Подтверждение предложенной выше оппозиции можно видеть в двух способах осмысления действительности, предложенных Э. Кассирером — логическом (дискурсивном), нацеленным на выделение различий, и метафорически-языковом, основанном на концентрации чувственного опыта [11, 89]. В. Порус указывает на то, что близость рационального и метафорических механизмов обеспечивается общностью цели, поскольку они оба направлены на упорядочивание реальности [3, 136–137].

Необходимо подчеркнуть, что данные способы не являются взаимозаменяемыми, т. к. в семиосфере культуры идеальное и материальное тесно переплетено: материальные предметы могут ассоциироваться с целым спектром идей и эмоций, а идеи — быть связанными с чувственно воспринимаемыми предметами. Ярким примером могут быть предметы культа, связанные с ритуальными практиками и отношением к ним, и собственно ключевые концепты культа, репрезентированные, как в священных текстах, так и в предметах культа. Поэтому речь идет о двух сопутствующих способах концептуализации, каждый из которых может быть приоритетным в зависимости от характера его репрезентации в лингвокультуре[1].

Различие познаваемых сущностей не может не влиять на степень востребованности средств осмысления — для материального объекта более важную роль играет концептуализация наибольшего количества его признаков, выделяемых в результате взаимодействия с ним. Результатом этого является появление в речевом обиходе разных слов, относящихся к одной семантической сфере, что А. Вежбицкая называет культурной разработанностью словника.

Данное понятие указывает на количество лексем в одном языке, взятых в сравнении с количеством слов в другом языке, представляющих одну и ту же семантическую область. Так, большое количество названий риса в языке хануноо и наименований шума в австралийских языках указывает на высокую культурную значимость этих семантических областей. При этом культурная разработанность выступает как один из показателей специфических черт различных культур наравне с культурно-специфическими словами, частотностью лексем и уникальным для каждой культуры набором ключевых слов [13, 27].

Культурозначимость идеальных феноменов в силу их эфемерности можно измерить, основываясь на специфике использования концептуальной метафоры. По аналогии с терминологией А. Вежбицкой мы можем говорить о (1) метафорической разработанности концепта, которую можно измерить количеством концептуальных метафор, структурирующих один концепт, и (2) культурной разработанности концептуальных метафор, измеряемой количеством когнитивных признаков, относящихся к области-источнику и переносимых на область цели.

В первом случае когнитивные признаки целевого концепта актуализируются за счет увеличения числа метафор, структурирующих концепт, т. е. количества концептов области источника, в терминах которых осмысляется целевой концепт. Так, в русской лингвокультуре XVIII–XIX веков присутствуют пять метафор, структурирующих концепт «время» [4], и появляется шестая — «время — ценная вещь», тогда как в британской лингвокультуре этого периода их пред-

ставлено восемь [6], что свидетельствует о большей разработанности и значимости категории времени в британской лингвокультуре.

Однако равное количество метафор, структурирующих эквивалентные концепты в разных культурах, не всегда указывает на одинаковую культурную значимость. Примером может служить метафора «время — вместилище» в британской лингвокультуре, которая реализуется в контекстах, указывающих на нахождение внутри и вне временного периода, на наполненность пространства времени и возможность его заполнить:

In time I may believe, yet I mistrust (Шекспир)[2]*;*
to confess a truth, though out of time (Драйден)[3]*;*
How long is't, Count, In fine, delivers me to fill the time (Шекспир)[4]*;*
full quarter of an hour (Dryden)[5].

Тогда как в русской лингвокультуре эта метафора до конца первой четверти XIX века указывает только на локазацию действий/событий внутри периода времени — «во время оно» и во второй четверти появляется маркер «наполнить», а в последней четверти — «заполнить»:

Чем наполню я время неизвестности о судьбе его? (А. Ф. Вельтман. Кощей бессмертный. Былина старого времени. 1833);

Журнальная публика — это та, что ищет в чтении развлечения, ищет, чем бы заполнить свободное время. (И. Н. Потапенко. Не герой. 1891)[2].

Мы видим, что до определенного периода времени в британской лингвокультуре метафора «время — вместилище» актуализировала четыре когнитивных признака, позволяющих концептуализировать время как вместилище событий/действий, а в русской лингвокультуре — только одно. Таким образом, разная степень метафоризации может служить указателем культурной специфики концептов и делает необходимым внесения в теорию метафоры критериев измерения культурной значимости.

Например, в контекстах с примерами метафоры «время — деньги» концепту «time» приписываются такие когнитивные признаки, как «стоить, т.е. являться единицей изменения ценности вещей» (cost), «количество денежных средств, используемых для оплаты» (expense), «иметь определенную ценность (в деньгах)» (worth) , «приносить прибыль» (profit), «прибыльный» (profitable), «прибыльно» (profitably) [10].

We shall not spend a large expense of time
Before we reckon with your several loves
And make us even with you (Shakespeare)[3]

- *Much time and trouble this poor play has cost (Dryden)*[4].
- *This is an important lesson to young females, how they may profitably employ their time, adorn the Gospel, and be useful (Bunyan)*[5].
- *From which consideration, I could have added one more article to my new test, if I had thought it worth my time (Swift)*[6].

Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, не все когнитивные признаки концептов области источника переносятся на целевой концепт [12, с. 89]. В целях иллюстрации рассмотрим когнитивные признаки, репрезентируемые только глаголами. Например, Н. Г. Шехтман выделяет следующие действия, ассоциируемые деньгами, представленные в романе Т. Драйзера «Финансист»: earn (зараба-

тывать), exchange (обменивать), make (делать/обменивать), trade (торговать), pocket (положить в карман), hypothecate (выдавать (в виде гранта) на определенные цели), embezzle (растрачивать чужие деньги), cost (стоить), invest (вкладывать), bid (предлагать цену), profit (получать прибыль), borrow (занимать), loan (давать в взаймы), misapply (неправильно распределять), transfer (переводить), strikebalance (подводить баланс), reimburse (возмещать) [9, с. 217].

В контекстах с метафорой «время — деньги» в период с XIV по XIX века встречаются только два глагола «cost» и «profit», в своей монографии Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят еще 4 глагола — «invest», «budget», «putaside», «borrow» [12, с. 29]:

I've invested a lot of time in her (Я потратил (букв, вложил, инвестировал) на нее много времени)

You need to budget your time. (Тебе необходимо рассчитывать свое время).

Put aside some time for ping pong. (Выдели немного времени на пинг-понг).

He is living on borrowed time. (Он живет взаймы (букв, за счет занятого времени).

Из этого следует, что целый ряд когнитивных признаков, присутствующих в концепте «money» не перенесен на концепт «time»: earn (зарабатывать), exchange (обменивать), trade (торговать), pocket (положить в карман), hypothecate (выдавать в виде гранта) на определенные цели), embezzle (растрачивать чужие деньги), bid (предлагать цену), loan (давать в взаймы), misapply (неправильно распределять), transfer (переводить), strikebalance (подводить баланс), reimburse (возмещать).

Осмысление времени через призму денег обусловлено текущим уровнем развития культуры, но если, предположим, будет реализован сценарий, раскрытый в фильме «Intime» (В русском переводе «Время»), где время жизни человека становится изменяемой величиной. В этом случае богатые смогут жить бесконечно, а бедные будут умирать, когда их время закончится [8], а все выше перечисленные когнитивные признаки будут относиться к концепту «время», но нельзя уже будет говорить о метафоре «время — деньги», поскольку время будет уже не осмысляться в терминах денежных средств, а являться таковым.

Как показывают приведенные выше примеры, метафорическая разработанность концепта и культурная разработанность метафоры являются динамическими величинами, изменение которых мы хотим рассмотреть в терминах культурного семиозиса, обоснование которого, в свою очередь, требует обращения к понятию актуального семиозиса. Согласно П.П. Дашинимаевой актуальный семиозис начинается со значимости, как прерывания ноэтического потока, в результате чего «мысль для себя» — значимость посредством прагматического фильтра трансформируется в «мысль для других» — означиваемое/смысл.

Выбор значений, привязанных к лексемам, является конечным этапом семиозиса. При этом в качестве ключевой характеристики значений называется нестабильность, обусловленная индивидуальными ассоциациями, с одной стороны, с другой — значения называются получившими общественное одобрение способами познания, приобретенным в результате интеграции ассоциативного опыта [1, с. 21-25].

Субъективность познания обусловлена «одновременной активацией сенсорных, моторных, интеллектуальных, модально-волевых, соматических и эмоцио-

нальных составляющих», где результируемое знание можно определить как «совокупность пережитых значимостей» [там же: с. 26-27], объективность — контекстом общепринятой системы коммуникации — лингвокультуры, устойчивость которой обеспечивается «негласным соглашением» об успешности коммуникации.

Ключевым элементом собственно культурного семиозиса является коммуникативное одобрение новых средств передачи значимостей. Лингвокультура на каждом ее этапе представляет собой самоорганизующуюся динамическую систему, контекст коммуникации, обусловленный внешними и внутренними факторами, системообразующими фактором которой является успешность коммуникации. Под внешними факторами мы понимаем ценностные ориентиры, определяющие поведенческие максимы и область табу, и событийный фон. К внутренним факторам относятся существующие единицы языка, сложившийся состав паттернов коммуникации и перечень актуализированных текстов, степень актуальности которых можно определить при помощи бинарной оппозиции — отнесенность / не-отнесенность к корпусу прецедентных феноменов.

Гипотетическая эволюция осмысления ценности времени в терминах утраты, которая вначале исследуемого периода представлена при помощи глаголов «lese» и «waste» у Чосера, могла иметь следующие вид. Множество индивидов, переживающих значимость утраты времени и не будучи удовлетворенными имеющимися средствами ее выражения, могли пробовать глаголы синонимичные глаголу «lose», например, «forfeit», «misplace», «lavish», «relinquish», «squander». Как показывает результаты исследования метафора «время — ценная вещь» в лингвокультуре исследуемого периода пополняется маркерами «lavish», «forfeit» и «squander», оставляя остальные два не востребованными:

113 We squander there an hour or more, And then all hands, boys, to the oar (Дж. Свифт);

5862 but it is thought he has forfeited the moment of fortune by sometimes neglecting her tea-table when solemnly invited, sometimes appearing there when he had been dining with blyther company, twice treading upon her cat's tail, and once affronting her parrot. (В. Скотт).

279 Where I took her into this wretched breast when it was first bleeding from its stabs, and where I have lavished (расточать) years of tenderness upon her (Ч. Диккенс).

Однако это примеры являются единичными (за исключением, глагола «squander», встречающимся двух контекстах), а более частотными являются маркеры, представленные фразовыми глаголами с наречием «away», которые позволяли конкретизировать образные способы растраты времени при помощи значения глагола. Самые частотные из них — trifle away (тратить время по пустякам) и throw away (разбрасываться временем) [7], тогда как остальные маркеры (loiter away, linger away, fritter away, sloth away, meltaway, dallyaway), составленные по этому образцу встречаются не более трех раз в исследуемый период.

Таким образом, изменение культурной разработанности метафоры включено в адаптивные процессы лингвокультуры в целом: появление новых маркеров метафоры обусловлено востребованностью актуализации новых когнитивных признаков в целевом концепте. Состав актуализированных метафорой когнитивных

признаков носит культуроспецифичный характер. Концептуальная метафора, переходя из сферы индивидуального речетворчества в состав речевых паттернов лингвокультуры, функционирует как социодеятельностный феномен, что позволяет с полным основанием относить ее к сфере лингвокультуры.

Таким образом, культурозначимость идеальных феноменов может оцениваться как при помощи количества концептуальных метафор, структурирующих концепт, так при помощи количества маркеров, актуализируемых для каждой метафоры. Общим для понятийного и метафорического способов познания является то, что они осуществляются за счет увеличения признаков, приписываемых осмысляемому феномену. Для первого это выражается в увеличении содержания семантического поля репрезентанта/ов данного концепта, для второго — в росте числа свойств феноменов области источника, переносимых на осмысляемую сущность. Здесь количество метафор, структурирующих концепт, определяет число объектов, в терминах которых осуществляется познание объектов области цели, а количество маркеров метафоры определяет число свойств объекта области источника, переносимых на объект области цели.

Литература

1. Дашинимаева П. П. Теория значения как значимости: "осветим чертог теней"? // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2011. № 2. С. 21–28.

2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. 314 с.

3. Порус В. Метафора и рациональность // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 134–141.

4. Федоров М. А. Крестьянское понимание времени: репрезентация концепта «время» в словаре В. И. Даля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3. С. 55–59.

5. Федоров М. А. Образная составляющая концепта TIME: диахронический аспект. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 160 с.

6. Федоров М. А. Эволюция концептуальной метафоры «время — ценная вещь» в британской лингвокультуре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). С. 61–65.

7. Федоров М. А. Фразовые глаголы с наречием “away” как маркеры концептуальных метафор времени // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 11: Романо-германская филология. С. 70–76.

8. Федоров М. А., Базарова С. М. Особенности употребления фразеологизмов и словосочетаний в фильме Э. Никола “In Time” // Иностранные языки в Байкальском регионе: опыт и перспективы межкультурного диалога: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 340.

9. Шехтман Н. Г. Концепт MONEY в романе Т. Драйзера "Финансист" // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2016. Т. 3. № 3. С. 215-221.

10. [CD] Cambridge Dictionary. 2018 http://dictionary.cambridge.org/about.html

11. Cassirer, E. Language and Myth. New York. Dover Publ. Inc. 1946. 103 p.

12. Lakoff, G. Johnson, M. “Metaphors we live by”, The University of Chicago Press, Chicago, 60637 The University of Chicago Press, Ltd.. London, 2003. 276 p.

13. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words New York Oxford. Oxford University Press. 1997. 317 p.

Примечания

[1] Под лингвокультурой мы понимаем материализованную концептосферу, содержащую как репрезентанты концептуальных единиц, так и ключевые примеры их функционирования. Лингвокультура предстает как коммуникативно-когнитивный контекст деятельности, не только являющийся источником единиц и правил коммуникации, но и показывающий их дискурсивную вариативность, стилистическую дистинктивность и частотность.

[2] Национальный корпус русского языка. 2018 http://ruscorpora.ru/

[3] Shakespeare, William. The Complete Works of William Shakespeare. URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/100/pg100.txt (дата обращения: 7 April 2018).

[4] Dryden, John. Works. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/author/807 (датаобращения: 7.04.2018).

[5] Swift, Jonathan. Works. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/author/326 (датаобращения: 7.04.2018).

[6] Bunyan, John. The Complete Works. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/6049.txt.utf-8 (дата обращения: 7.04. 2018).

THE TERM «CULTURAL ELABORATION» AS APPLIED TO COGNITIVE METAPHOR

Mikhail A.Fedorov
Candidate of philosophy, Associate Professor,
Buryat State University
24 a, Smolina str, Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: fma1105@gmail.com

Two alternative cognitive mechanisms — conceptual and metaphorical — are examined in the article. The first one is realized by way of highlighting new characteristics in already cognized objects. The second mechanism is realized by way of viewing one object in terms of another. Cultural relativism can be seen in both mechanisms of concept development. The principles of cultural elaboration of lexicon described by A. Wierzbicka are transferred to cognitive metaphor in two respects. Firstly, cultural significance of a concept can be assessed by the number of metaphors used for its structurization. Secondly, cultural elaboration of a cognitive metaphor can be assessed by the number of lexical markers that actualize characteristics from source domain to target domain.

Keywords: cognitive metaphor; cultural elaboration; metaphorical elaboration; cultural relativism; concept; metaphor evolution; metaphor marker.